

УДК 93/99 (093.32)

doi:10.21685/2072-3024-2022-1-12

Проблемы аграрного развития Пензенской области в годы Великой Отечественной войны

О. А. Сухова¹, О. В. Ягов²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹savtemp@yandex.ru, ²yagovdom@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность избранной темы определяется необходимостью осмысления исторического опыта формирования и реализации аграрной политики в СССР. Цель исследования – анализ эффективности колхозной системы в условиях военного конфликта, изучение арсенала средств и методов регионального, районного и сельского уровней управления и мобилизационных ресурсов советской деревни. *Материалы и методы.* Анализируются основные проблемы аграрного развития Пензенской области в годы Великой Отечественной войны. Основу корпуса источников сформировала делопроизводственная документация органов партийного управления, представленная в региональном (Государственном архиве Пензенской области) и центральных архивах (Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном архиве экономики). Методология исследования построена на принципах системного подхода к рассмотрению вопросов истории советского общества. При этом принципиальное значение приобретает рассмотрение колхозной деревни как открытой системы, способной к саморазвитию и самоорганизации, но одновременно обменивающейся ресурсами, энергией, информацией с внешними системами и адаптирующейся к возникающим угрозам. *Результаты.* Выявлены факторы аграрного развития Пензенской области в годы Великой Отечественной войны. Описаны практики социально-политического взаимодействия в условиях экономического коллапса первых военных лет. Определены способы и механизмы управления, источники и ресурсы адаптации колхозной деревни к вызовам времени. *Выводы.* Советское крестьянство рассматривается как основной ресурс войны и источник Победы в Великой Отечественной войне. В период 1941–1943 гг. вследствие проведения мобилизации происходит резкое сокращение энерговооруженности и механизации сельскохозяйственного производства. Стабилизирующим фактором становится тотальная включенность колхозного крестьянства в систему мобилизационного планирования, опиравшуюся на механизмы принуждения и агитационно-пропагандистскую деятельность партийных властей. И все же основным источником увеличения объемов поставок продовольствия выступили сокращение семенных фондов и фондов потребления, структурно-функциональная перестройка личного подсобного хозяйства.

Ключевые слова: Пензенская область, Великая Отечественная война, аграрная политика, органы партийной и государственной власти, инструменты и методы управления, сельское население, производственная повседневность

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020 «Аграрная политика в СССР и региональные особенности ее реализации (1922–1991)».

Для цитирования: Сухова О. А., Ягов О. В. Проблемы аграрного развития Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 154–166. doi:10.21685/2072-3024-2022-1-12

© Сухова О. А., Ягов О. В., 2022. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Agrarian development's issues of Penza region during the Great Patriotic War

O.A. Sukhova¹, O.V. Yagov²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹savtemp@yandex.ru, ²yagovdom@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the chosen topic is determined by the need to comprehend the historical experience of the formation and implementation of agrarian policy in the USSR. The purpose of the study is to analyze the effectiveness of the collective farm system in the context of a military conflict, to study the arsenal of means and methods of regional, district and rural levels of government and the mobilization resources of the Soviet countryside. *Materials and methods.* The main issues of the agricultural development of Penza region during the Great Patriotic War analyzes in this article. The basis of the corpus of sources was formed by the office work documentation of the party administration, presented in the regional (State Archives of Penza region) and central archives (the Russian State Archives of Economics, the Russian State Archives of Social-Political History). The research methodology is based on the principles of a systematic approach to the consideration of issues of the history of Soviet society. At the same time, the exploration of the collective farm countryside as an open system capable of self-development and self-organization, but exchanging resources, energy, information with external systems and adapting to emerging threats is of fundamental importance. *Results.* The factors of agrarian development of Penza region during the Great Patriotic War were revealed. The practices of social-political interaction in the conditions of the economic collapse of the first war years are described. The ways and mechanisms of management, sources and resources of adaptation of the collective farm countryside to the challenges of the time are determined. *Conclusions.* The Soviet peasantry is regarded as the main resource of the war and the source of victory in the Great Patriotic War. There was a sharp reduction in the power supply and mechanization of agricultural production in the period 1941–1943 as a result of mobilization. The stabilizing factor was the total involvement of the collective farm peasantry in the system of mobilization planning, which was based on the mechanisms of coercion and agitation and propaganda activities of the party authorities. Nevertheless, the main source of increasing the volume of food supplies was the reduction of seed funds and consumption funds, structural and functional restructuring of personal subsidiary plots.

Keywords: Penza region, the Great Patriotic War, agrarian policy, party and state authorities, tools and methods of management, rural population, production daily

Acknowledgments: the research was funded by RFBR, project number 21-09-43020 “Agrarian policy in the USSR and regional features of its implementation (1922–1991)”.

For citation: Sukhova O.A., Yagov O.V. Agrarian development's issues of Penza region during the Great Patriotic War. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2022;(1): 154–166. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2022-1-12

Изучение Великой Отечественной войны, беспрецедентного по степени и силе своего воздействия военного конфликта, имеет ключевое значение для современной региональной историографии. Задаваясь вопросом о промежуточных итогах разработки предметного поля, методологии и источниковой базы, следует акцентировать внимание на специфике военной истории Пензенской области. В виду особенностей демографического и социально-экономического развития региона внимание исследователей в первую очередь

фокусируется на истории сельского населения, советского крестьянства – главного ресурса войны и источника Победы.

Этапы концептуализации данного тезиса в отечественной историографии представлены периодом 1945 г. – начала 1960-х гг., начиная с обоснования мобилизационной стратегии [1, с. 66] и научного осмысления проблемы в работе известного историка и социолога Ю. В. Арутюняна [2]. Пензенские исследователи, сохраняя верность парадигме партийной истории, сдержанно фиксировали вопросы развития сельскохозяйственного производства в общем контексте мобилизационных усилий партийной организации [3].

Значительный рост исследовательского интереса к этой проблеме отмечается в 1980-е гг. Доказательством тому служит публикация третьего тома Истории советского крестьянства [4], появление новых исследований пензенских историков [5, 6]. Новый уровень теоретизации проблемы связан с появлением первых диссертационных исследований в середине 1990-х – начале 2000-х гг. [7, 8] и сохранением высокой степени актуальности изучаемых вопросов на современном этапе [9].

Среди важнейших аспектов, требующих научного анализа, необходимо выделить оценку эффективности созданной колхозной системы, изучение арсенала средств и методов регионального, районного и сельского уровней управления и собственно мобилизационных возможностей, ресурсов советской деревни. Общая характеристика аграрного развития Пензенской области в преддверии Великой Отечественной войны свидетельствует, что коренного перелома в деле индустриализации деревни и обеспечения стремительного роста объемов производства сельскохозяйственной продукции не произошло в силу противоречий концептуального и политического характера. К этому добавим и влияние традиционного для крестьянского хозяйства природно-климатического фактора. Так, в засушливые 1936–1938 и 1939 гг. неблагоприятные погодные условия вызвали резкое сокращение объемов производства зерновых. К началу 1940 г. происходит определенная стабилизация колхозного производства. Однако в целом к началу войны за колхозами области сохранялся долг в 29,9 тыс. пудов зерновых культур, необходимых для возврата ссуд и недоимок прошлых лет, что составляло свыше 50 % к общему плану хлебопоставок [10, л. 5–7]. С большой долей уверенности можно говорить лишь о реализации важнейшего мобилизационного предназначения советской аграрной политики – утверждение механизмов и практик оптимизации государственных закупок колхозной продукции. В годы Первой мировой войны в условиях сохранения рынка имперским властям понадобилось два года, чтобы приступить к реализации политики по принудительному изъятию части урожая в виде продовольственной разверстки, и то лишь на декларативном уровне. Тотальная же включенность колхозного крестьянства в систему мобилизационного планирования, опиравшуюся на механизмы принуждения и агитационно-пропагандистскую деятельность партийных властей, позволяла задавать произвольные параметры обеспечения государственных потребностей. В этом отношении за годы войны колхозная система окрепла, несмотря на чаяния крестьян: число колхозов в области даже выросло (с 1903 в 1941 г. до 1918 в 1944 г.), тогда как количество совхозов сократилось (с 63 до 58 соответственно) [11, с. 178].

Первым и самым сокрушительным ударом войны по тыловым регионам СССР становится необходимость мобилизации ресурсов на отражение агрессии. Сотни тысяч мужчин трудоспособного возраста были призваны в ряды Красной армии, значительная часть крестьян была мобилизована на строительство оборонительных сооружений и на промышленные предприятия. В итоге к концу 1942 г. по сравнению с 1940 г. численность трудоспособного сельского населения Пензенской области сократилась с 412,6 до 308,3 тыс. человек, или на 25 % (показатель по колхозам) [6, с. 49]. При этом количество мужчин уменьшилось со 189,3 до 77,9 тыс. [12, с. 390]. В целом за 1940–1945 гг. число наличных дворов в СССР сократилось на 3,8 %, наличного населения – на 15 %, а трудоспособного – на 32,5 %, или на одну треть. Удельный вес женщин, подростков и пожилых колхозников увеличился с 66,7 % в 1940 г. до 85,3 % в 1945 г. В то же время количество трудоспособных мужчин уменьшилось почти в три раза [13, л. 3]. Посевная площадь в 1946 г. составила 71 % от уровня 1940 г., на 23,5 % снизилось общее количество выработанных трудодней, а количество зерна, выданного на трудодни, уменьшилось с 2 ц в расчете на душу населения, или 152,4 млн ц в целом в 1940 г., до 0,74 ц, или 48,7 млн ц в 1945 г. (чуть более 200 г в день; в Пензенской области и Мордовской АССР в 1945 г. колхозники получили меньше всего – по 0,4 ц на душу населения, или 110 г в день) [14, л. 4–5].

Только в 1941–1943 гг. в основном из сельских районов Пензенской области в РККА было направлено 2692 автомашины, 497 тракторов, 80 тракторных прицепов, 27 799 лошадей, 7167 повозок и упряжи [15, с. 259]. Все это крайне негативно сказалось на энерговооруженности сельского хозяйства, привело к существенному сокращению посевных площадей, падению объемов производства сельскохозяйственных культур. Так, к ноябрю 1941 г. план хлебосдачи областью был выполнен только на 32,3 % [16, с. 373]. Спустя год ситуация только ухудшилась. По некоторым колхозам план хлебопоставок был выполнен лишь на 10–20 %, а к ноябрю 1942 г. вывоз хлеба государству полностью прекратился [17, л. 30–52].

В арсенале мер стимулирования трудовой активности встречаем административные решения и агитационные кампании по массовому привлечению учащейся молодежи и колхозников к уборке зерновых. Речь идет, скажем, о приказном ознакомлении (для «неуклонного исполнения») с материалами постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 июля 1942 г. «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1942 году» и письма ЦК ВКП(б) от 27 июля 1942 г. «О мерах борьбы с потерями» секретарей райкомов, председателей райисполкомов, заведующих райзо, директоров и начальников политотделов МТС и совхозов; в этом же ряду – проведение массовых воскресников силами молодежи и комсомольцев [18, л. 45]. Как следует из докладной записки областного партийного руководства на имя А. А. Андреева, в 1942 г. в регионе приняло участие в уборке колосовых 1525 комбайнов, в том числе 1137 были оборудованы зерноуловителями, 4648 жаток и лобогреек, в том числе 2410 оборудованных зерноуловителями. Отметим, что в целом на 10 сентября комбайнами, жатками и лобогрейками и вручную было убрано 882 399 га, или 78,8 % к плану уборки, а отдельно комбайнами – 155 288 га, или 25,8 % плана. За время уборки колосовых было произведено сгребание и подбор колосьев на площади 322 662 га. Часть собранных

колосьев обмолочена, и от их обмолота дополнительно получено 75 877 ц зерна [18, л. 45 об.].

В колхозе «Путь к новой жизни» Башмаковского района в каждой бригаде были созданы специальные звенья во главе с комсомольцами по сбору колосьев. На всем массиве озимых культур в общей сложности работали 72 звена с общим количеством 760 человек. За уборочной техникой для контроля за наполнением зерноуловителей были закреплены пионеры. По инициативе этого колхоза в области развернулось социалистическое соревнование молодежи колхозов и школ за сбор колосьев и недопущение потерь при уборке урожая [18, л. 46].

Вместе с тем понимание объективных причин происходившего не решало существа проблемы и оценивалось прежде всего как проявление кризиса низового уровня управления. В условиях военного времени естественной реакцией властей выступила активизация мер административного и уголовно-процессуального принуждения, что показывает принятие специального постановления бюро Пензенского обкома ВКП(б) и облисполкома 25 ноября 1942 г., посвященного усилению темпов хлебосдачи колхозами и совхозами области, усиление прокурорского надзора и концентрация усилий прокуратуры на решении исключительно вопросов «борьбы с саботажем выполнения хлебопоставок государству и борьбы с расхищением хлеба» [17, л. 29]. Как отмечалось в закрытом обращении прокурора области к прокурорам районного звена, часть ответственности за срыв плановых заданий должна была принять на свой счет прокуратура, не организовавшая жесткого уголовного преследования виновных в саботаже: «...пытаются объяснить вместе с отдельными руководителями районных организаций объективными причинами. Сводят подчас на неправильный учет посевных площадей и т.п. Под таким общим рассуждением сами создают скрытый саботаж». От работников прокуратуры потребовали прекратить «либеральное отношение» и бездействие в вопросах борьбы с врагами народа, применяя к последним арест и предание суду [17, л. 29]. Материалы дела пестрят справками о привлечении к уголовной ответственности председателей колхозов области по ст. 109 о должностных преступлениях и ст. 58-14 о контрреволюционном саботаже УК РСФСР. Так, председатель колхоза «Клич труда» Нижнеломовского сельсовета был осужден за то, что допустил «перерасход хлеба на внутриколхозные нужды» (или иными словами выдал членам артели на трудодни): «При наличии в колхозе намолоченного 1666 цент. хлеба вывезено государству лишь только 702 цент. при плане 4615 цент.» [17, л. 40]. Очевидна нацеленность принимаемых решений на экстремализацию политических и коммуникативных практик, выраженную лозунгом «любой ценой». В этом отношении последним рубежом обороны выступили рядовой колхозник, председатель артели и партийный работник, призванный обеспечить выполнение государственных заданий.

Эффективность исполнения принимаемых решений во многом зависела от непосредственных руководителей. В то же время когорта председателей колхозов оказалась самым слабым и нестабильным звеном. Срыв государственных поставок неминуемо влек за собой отстранение от должности и уголовное преследование. В итоге к весне 1943 г. состав председателей обновился на 75 %. При этом 1376 из 1984 руководителей были выдвинуты на

этот пост впервые, в том числе более 600 человек из числа рядовых колхозников и бригадиров [8, с. 18]. 84 % председателей колхозов Пензенской области имели образование в пределах начальной школы [19, л. 75]. В этих условиях сложно рассматривать профессиональную компетентность председательского корпуса в качестве основного источника организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Сокращение поставок запасных частей к сельскохозяйственной технике значительно ограничило ее применение на колхозных полях, что вынуждало использовать самые архаичные практики обработки земли и уборки урожая (копка вручную, сбор колосьев и пр.). Попытки использовать ресурсы промышленных предприятий г. Пензы для оказания помощи МТС (формирование дополнительных ремонтных бригад, ремонт изношенных деталей и пр.) на ситуацию кардинально не повлияли [9, с. 198]. Так, в июле 1942 г. Управление НКВД по Пензенской области сообщило о срыве МТС срока окончания ремонта комбайнов 15 июня 1942 г. В целом в 102 МТС области подлежал ремонту 2521 комбайн, из которых к заявленному сроку было отремонтировано только 75 комбайнов. 12 МТС в Вадинском, Голицинском, Иссинском районах к ремонту комбайнов вообще не приступили. Значительная часть комбайнов была брошена в неисправном состоянии на полях осенью 1941 г. [18, л. 33].

Катастрофически низкой можно назвать обеспеченность перевозок сельскохозяйственной продукции автомобильным транспортом. После мобилизации автомашин в РККА в составе Пензенского отделения Союзаготтранса осталось 43 грузовых автомобиля, из которых к 1943 г. использовалось только 18 технически исправных машин. При этом, скажем, в Земетчинском автоотряде из 9 наличных автомобилей наряды по вывозу хлеба из глубинных пунктов, а также по обслуживанию мельзаводов выполнялись на трех исправных автомашинах [20, л. 136].

Промышленная база области не позволяла обеспечить поставки необходимых запчастей, и количество фактически работающих машин сокращалось год от года, что вынуждало местное руководство обращаться в аппарат ЦК ВКП(б) с просьбами об оказании помощи. Так, 2 октября 1943 г. первый секретарь обкома К. А. Морщинин докладывал заведующему сельскохозяйственным отделом ЦК А. А. Андрееву, что в Пензенской области имеется 7403 трактора, в том числе гусеничных – 1722, но из-за недостатка запасных частей тракторный парк работает крайне плохо, большое количество тракторов к началу полевых работ не были отремонтированы и в работе не участвовали [20, л. 175]. Свыше 1000 тракторов и около 400 комбайнов МТС находились в неисправном состоянии и зачастую были брошены на полях колхозов [21, л. 1–44].

Мобилизационные кампании и резкое сокращение кормовой базы нанесли сокрушительный удар по животноводству, и в первую очередь по тягловой силе колхозной деревни. Так, к 1945 г. количество лошадей составило всего лишь 35,8 % от довоенного уровня [8, с. 21].

Критическое положение дел в сельском хозяйстве региона, сложившееся весной 1943 г., помимо влияния военного фактора объясняется сложными климатическими условиями. Засуха и, как следствие, гибель озимых посевов

поставили под угрозу выполнение плана по хлебозаготовкам. В этих условиях неизбежной реакцией мобилизационной системы стало ужесточение контроля над деятельностью колхозов и усиление административного прессинга. Привычный арсенал методов кризисного управления был воспроизведен в специальном постановлении ЦК ВКП(б) «О неудовлетворительном руководстве Пензенского обкома ВКП(б) сельским хозяйством» от 1 июня 1943 г. и реализован в период подготовки и проведения уборочной кампании 1943 г. (предстояло «мобилизовать» массы на «образцовое» проведение уборки). Так, 25–26 июня 1943 г. состоялся пленум Пензенского обкома, на котором решение ЦК было принято к незамедлительному исполнению [22, л. 76].

Следующим важным этапом централизации управленческих практик стало проведение 17 июля 1943 г. областного совещания председателей колхозов. Выступая на нем, первый секретарь обкома ВКП(б) К. А. Морщинин заявил о новом курсе партии в деле руководства колхозной системой и в числе приоритетных направлений работы назвал организационную стабилизацию (закрепление председателей колхозов на длительный период, запрет привлекать к уголовной ответственности без ведома обкома партии, утверждение кандидатуры каждого председателя колхоза в обкоме партии, регулярное взаимодействие партийного руководства с сельской администрацией, создание областной школы по подготовке и переподготовке председателей). Ключевыми факторами преодоления кризиса и подъема сельского хозяйства области должны были выступить списание всех недоимок по обязательным поставкам с колхозов области в количестве 17 млн 600 тыс. пудов и отсрочка погашения задолженности по натуроплате за работу МТС (8 млн пудов) до 1944–1945 и 1946 г. Задолженность по натуроплате МТС за 1943 г. было разрешено погасить деньгами. Грубейшими нарушениями Сталинского Устава сельхозартели названы разбазаривание общественных земель колхозов (произвольное увеличение приусадебных участков за счет колхозного фонда) и расхищение сельскохозяйственных продуктов, скота, инвентаря и другого имущества; сокращение общественных фондов, рост дебиторской задолженности; нарушение уставного положения о натуральной оплате трудодня; невыполнение постановления о повышении минимума трудодней, о дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства. Как важнейший административный ресурс рассматривались требования активного вовлечения в массово-политическую работу более 700 отстающих колхозов и строжайшего соблюдения государственной и партийной дисциплины [21, л. 1–44].

При этом состояние массово-политической работы в колхозах оценивалось руководством как критическое. Результаты проверок низовой сети партийных организаций свидетельствовали о явном недостатке агитаторов и редком их появлении в деревне: «...агитаторов мало, газеты до колхозников не доходят, избы-читальни в основной своей массе бездействуют, помещения используются под всякие другие нужды». Главную причину власти усматривали в провале организационной работы: в регионе действовали всего 253 колхозные парторганизации и 82 кандидатские группы (одна низовая ячейка на шесть колхозов), в ряде районов на все артели приходилось не более двух первичек [22, л. 74–75].

Необходимо отметить, что и для местного руководства панацеей выступало усиление административного присутствия в деревне. В 1943 г. для решения кризиса поставок продовольствия государству пензенский обком предложил создать в своей структуре специальный отдел заготовок сельскохозяйственных продуктов, а также в три раза увеличить штат агентов Наркомзага для того, чтобы обеспечить закрепление государственного агента по заготовкам за каждым сельсоветом. Сельхозотдел ЦК посчитал просьбу об увеличении штатов необоснованной: «Сейчас в Пензенской области на 835 сельсоветов имеется 250 агентов Наркомзага» [20, л. 101].

Дополнительно с июня 1943 г. была развернута масштабная работа по предупреждению и вскрытию фактов хищения зерна, по результатам которой к 15 сентября 1943 г. в области было возбуждено 689 уголовных дел, 900 человек привлечено к ответственности, 287 из них арестовано, свыше 30 т зерна было возвращено государству [23, л. 29].

Снижение темпов заготовок в августе 1943 г. вызвало к жизни применение экстремальных управленческих практик. Так, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г., переданным по телеграфу всем райкомам и райисполкомам, персональная ответственность за уборку урожая без потерь и в установленные сроки была возложена на первых секретарей райкомов и обкома партии, на председателей райисполкома и облисполкома. Невыполнение сроков уборочной кампании (скирдование хлеба – не позже 1 октября, обмолот – не позже 25 октября) и государственного заказа расценивалось как подрыв обороноспособности страны и влекло за собой потерю должности, исключение из партии и судебное преследование. В помощь колхозникам было разрешено направить до 12 000 бойцов РККА [24, л. 7–9].

Несмотря на принимаемые меры, колхозная деревня не справлялась с выполнением плановых заданий. Облагаемая площадь пашни колхозов области в 1943 г. составляла 2 387 477 га, в том числе 510 тыс. га пашни, которая не вошла в обработку. С этой площади было начислено 225 353 т обязательных поставок, в среднем 24,3 кг с каждого га. Кроме того, колхозы области должны были сдать в 1943 г. в фонд РККА 19 843 т, натуроплаты – 120 тыс. т, возврата семсуды – 5000 т, т.е. всего подлежало к сдаче кроме недоимок прошлых лет 370 166 т. В реальности площадь под посевами зернобобовых культур по колхозам области составляла не более 800 тыс. га, из них 247 тыс. га озимых культур (кроме того, свыше 200 тыс. га, по другим данным 276,5 тыс. га, озимых погибло) и 553 тыс. га яровых. В случае полного выполнения плановых заданий с учетом обеспечения семенного фонда под посев 1944 г. в колхозных амбарах совершенно не оставалось зерна для выдачи на трудодни, не говоря уже о выделении концентрированных кормов для конского поголовья и животноводческих ферм [20, л. 129].

В итоге по состоянию на 25 сентября 1943 г. сельскохозяйственными предприятиями области было сдано государству только 20,5 % от запланированного, в том числе колхозами 18,3 % вместо 65–70 % от расчетной нормы на это число (по совхозам план был выполнен на 56,5 %). По 20 районам области полностью выполнили и перевыполнили план хлебосдачи государству по всем видам только 62 колхоза. Критическая ситуация сложилась и в МТС. Срывы предоставления на колхозные поля сельскохозяйственной техники (вызванные главным образом нехваткой горючего и запасных частей) только усугубляли проблему несвоевременной уборки зерновых.

Аналогичная ситуация сложилась и в животноводстве. Так, в 1943 г. колхозы области должны были сдать государству в счет обязательных поставок мяса 6969 т, в фонд РККА – 954 т. Кроме того, задолженность прошлых лет составила по обязательным поставкам 2017 т. На 20 ноября 1943 г. было сдано в общей сложности 6370 т, осталось, включая задолженность, 3569 т. Кроме того, область должна была сдать в счет покрытия задолженности за семена 1758 т, а по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1943 г. в счет хлебопоставок за 1 500 000 пудов зерна еще 3496 т, таким образом, на 1944 г. приходилось 8823 т. При выполнении этого решения колхозы области должны были сдать 40 % всего поголовья крупного рогатого скота (43 138 голов), овец 57 000, или 35 % всего поголовья, свиней 7685 голов, или 30 % всего поголовья. По многим хозяйствам складывалась совсем удручающая картина. В частности, в колхозе «Новая жизнь» Колышлейского района план мясopоставок в 1943 г. составил 28,3 т, на 20 ноября колхоз сдал государству 1,4 т, а всего в общественном хозяйстве числилось 2 коровы и 6 телок. Колхоз «Красный пахарь» из плана мясopоставок в 14,5 т сдал 1,8 т, а имел наличного скота всего 4 коровы и 12 телят [20, л. 186–187].

Накал страстей в деле рассогласования импульсов, исходящих от государственной машины управления, и трудовой активности непосредственных исполнителей вылился в поиски инструментов решительной борьбы с последствиями «неудовлетворительного руководства хлебозаготовками партийных, советских и заготовительных органов области». В целях преодоления ситуации решением октябрьского 1943 г. пленума областной партийной организации был максимально задействован административный потенциал мобилизационной стратегии: весь партийный, советский и комсомольский актив был направлен в колхозы и совхозы области для того, чтобы в режиме ручного управления «сломить сопротивление антигосударственных и саботажнических элементов и во что бы то ни стало взять хлеб и полностью рассчитаться с государством» (в том числе специальные уполномоченные райкомов и райисполкомов на каждые 2–3 колхоза); от передовых колхозов и совхозов потребовали сдать больше хлеба сверх плана; для уборки зерновых был привлечен транспорт всех учреждений и организаций, кроме выделенного для этого 131 грузовика воинских частей; введена практика организации вооруженной охраны хлеба в полях, на токах, у амбаров, в пути следования на пункты заготзерна; проведены проверки («обыски») колхозов, совхозов, подсобных хозяйств, в том числе подсобных хозяйств ОРСов и предприятий, на предмет сокрытия хлеба; запрещена продажа и обмен зерна, муки, печеного хлеба до выполнения областью плана хлебозаготовок (постановление СНК СССР от 24 сентября 1943 г.) и пр. [24, л. 7–16].

В этих условиях основным источником увеличения объемов поступления продовольствия государству выступили сокращение семенных фондов и фондов потребления [8, с. 21], адаптация личного подсобного хозяйства к нуждам военного времени. Помимо государственных поставок за военный период сельское население Пензенской области пожертвовало в фонд обороны более 20 тыс. пудов хлеба, столько же овощей, 6 тыс. пудов мяса [25, л. 7]. Фактором компенсирующего порядка, исключительным адаптационным ресурсом в экстремальных обстоятельствах выступало личное подсобное хозяйство, гарант выживания колхозной деревни и источник для контрактиции

семян и молодняка скота для общественного производства. Так, только за 9 месяцев 1943 г. у колхозников было законтрактовано телят в количестве 51 495 голов, или 155,9 % к утвержденному плану [20, л. 186 об.]. В 1943 г. партийные чиновники зафиксировали резкое сокращение поголовья общественного стада вплоть до нескольких голов, в то время как поголовье в личном пользовании колхозников выросло (крупный рогатый скот: «Коров у колхозников в области в 8 раз больше, чем в общественном стаде колхозов. Это не считая коров рабочих, служащих и единоличников») или осталось неизменным (остальное поголовье) [22, л. 74]. Факт увеличения посевов зерновых в крестьянских хозяйствах также объясняет необходимость обеспечить прожиточный минимум для себя и семенной фонд для колхоза. В частности, судя по сообщению оргинструкторского отдела обкома партии, одним из самых злободневных вопросов, которым интересовались колхозники на собраниях, лекциях, докладах и беседах весной 1943 г., стала проблема возвращения колхозами семян, взятых в личных хозяйствах «взаимообразно», т.е. с условием возврата [26, л. 42–43 об.].

Ощутимая государственная помощь сельхозпредприятиям в виде увеличения поставок горючего, запасных частей, техники для МТС начинает поступать только в 1944 г., к этому же времени удалось наладить выпуск комплектующих на одном из промышленных предприятий г. Пензы [9, с. 204]. Это позволило региону выйти на требуемый уровень выполнения плановых заданий по сдаче государству сельскохозяйственной продукции хотя бы по ряду культур. Если в 1943 г. хозяйства области обеспечили закупки только 8 млн пудов хлеба, то в 1944 и 1945 г. объем поставок зерна государству достиг 13 млн пудов. Утвердились новые формы интенсификации производства, получившие соответствующую идеологическую оснастку в форме социалистического соревнования. В молодежной среде разворачивается массовое движение за создание звеньев высокого урожая и тракторных бригад. В 1944 г. область впервые за военное время перевыполнила плановые задания по производству овощей и картофеля [15, с. 281]. В итоге за период с 1941 по 1944 г. колхозное крестьянство СССР заготовило для страны 3536 млн пудов зерна (общие же объемы заготовок составили 4264 млн пудов), в то время как в период предыдущей мировой войны в 1914–1917 гг. – 1399 млн пудов [4, с. 248]. На первый взгляд эти цифры свидетельствуют об устойчивости и эффективности мобилизационной стратегии в деле концентрации и перераспределения ресурсов, обеспечения продовольственной безопасности страны в условиях военного конфликта. Непредвзятый анализ проблемы позволяет заметить иной ракурс: ведущим фактором успеха стала не абсолютизация административного прессинга, а системная поддержка институциональных форм адаптации сельского населения к экстремальным практикам повседневности (структурная перестройка личного подсобного хозяйства, массовое вовлечение молодежи в движение за интенсификацию производства, укрепление доверия и равноценность обмена информацией и ресурсами в системе «власть и общество» и пр.).

Список литературы

1. Анисимов Н. И. Советское крестьянство. М. : Молодая гвардия, 1945. 92 с.
2. Аратюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 459 с.

3. Колчин Б. А. Пензенские коммунисты в борьбе за укрепление тыла в годы Великой Отечественной войны. Пенза : Книжное изд-во, 1958. 115 с.
4. История советского крестьянства : в 5 т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 / отв. ред. М. А. Вылцан. М. : Наука, 1987. 447 с.
5. Лебедев В. И. Социалистическое соревнование колхозников, рабочих МТС и совхозов Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Союз рабочего класса и крестьянства – решающая сила в становлении и развитии сельского хозяйства (По материалам Среднего Поволжья). Рязань : Рязанский государственный педагогический ин-т, 1980. С. 52–75.
6. Пензенская область в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. Г. В. Мясников. Саратов : Приволжское книжное изд-во, 1985. 322 с.
7. Лузгин В. П. Народное хозяйство Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Саранск, 1995. 20 с.
8. Белолипецкий В. В. Сельское хозяйство Пензенской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Пенза, 2005. 21 с.
9. Королев А. А., Мику Н. В. Сельское хозяйство в СССР в период Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области) // E-Scio. 2018. № 5 (20). С. 197–205.
10. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П-148. Оп. 1. Д. 414.
11. Пензенский край 1917–1977 гг.: Документы и материалы. Саратов ; Пенза : Приволжское книжное изд-во, Пензенское отделение, 1982. 304 с.
12. Курицына Е. В. Трудовой подвиг пензенцев в годы Великой Отечественной войны // Пензенский край в истории и культуре России. Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 386–401.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 327.
14. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 542.
15. Очерки истории Пензенской организации КПСС / под ред. Г. В. Мясникова. Саратов : Приволжское книжное изд-во, 1983. 504 с.
16. Евневич Т. А. Пензенская область в первые месяцы Великой Отечественной войны // Пензенский край в истории и культуре России / под ред. О. А. Суховой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 373–375.
17. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 653.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 116.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 321.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 175.
21. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 848.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 154.
23. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 883.
24. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 801.
25. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 783.
26. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 873.

References

1. Anisimov N.I. *Sovetskoe krest'yanstvo = Soviet peasantry*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1945:92. (In Russ.)
2. Aratyunyan Yu.V. *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny = Soviet peasantry during the Great Patriotic War*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963:459. (In Russ.)

3. Kolchin B.A. *Penzenskie kommunisty v bor'be za ukreplenie tyla v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* = *Penza communists in the struggle to strengthen the rear during the Great Patriotic War*. Penza: Knizhnoe izd-vo, 1958:115. (In Russ.)
4. Vyltsan M.A. (ed.). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva: v 5 t. T. 3. Krest'yanstvo nakunne i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny, 1938–1945* = *History of the Soviet peasantry: in 5 volumes. Volume 3. The peasantry on the eve and during the Great Patriotic War, 1938–1945*. Moscow: Nauka, 1987:447. (In Russ.)
5. Lebedev V.I. Socialist competition of collective farmers, workers of MTS and state farms of the Penza region during the Great Patriotic War. *Soyuz rabocheho klassa i krest'yanstva – reshayushchaya sila v stanovlenii i razvitii sel'skogo khozyaystva (Po materialam Srednego Povolzh'ya)* = *The Union of the Working Class and the Peasantry – a decisive force in the formation and development of agriculture (by the materials of the Middle Volga region)*. Ryazan': Ryazanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy in-t, 1980:52–75. (In Russ.)
6. Myasnikov G.V. (ed.). *Penzenskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* = *Penza region during the Great Patriotic War*. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1985:322. (In Russ.)
7. Luzgin V.P. The national economy of the Mordovian ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945). PhD abstract. Saransk, 1995:20. (In Russ.)
8. Belolipetskiy V.V. Agriculture of the Penza region during the Great Patriotic War of 1941–1945. PhD abstract. Penza, 2005:21. (In Russ.)
9. Korolev A.A., Miku N.V. Agriculture in the USSR during the Great Patriotic War (by the example of the Penza region). *E-Scio*. 2018;(5):197–205. (In Russ.)
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. P-148. Op. 1. D. 414* = *State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 414*. (In Russ.)
11. *Penzenskiy kray 1917–1977 gg.: Dokumenty i materialy* = *Penza region 1917–1977: Documents and materials*. Saratov; Penza: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, Penzenskoe otделение, 1982:304. (In Russ.)
12. Kuritsyna E.V. Labor feat of Penza residents during the Great Patriotic War. *Penzenskiy kray v istorii i kul'ture Rossii* = *Penza region in the history and culture of Russia*. Penza: Izd-vo PGU, 2014:386–401. (In Russ.)
13. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE). F. 7486. Op. 7. D. 327* = *The Russian State Archive of economics. Fund 7486. Item 7. File 327*. (In Russ.)
14. *RGAE. F. 7486. Op. 7. D. 542* = *The Russian State Archive of economics. Fund 7486. Item 7. File 542*. (In Russ.)
15. Myasnikov G.V. (ed). *Ocherki istorii Penzenskoy organizatsii KPSS* = *Essays on the history of the Penza organization of the CPSU*. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1983:504. (In Russ.)
16. Evnevich T. A. Penza region in the first months of the Great Patriotic War. *Penzenskiy kray v istorii i kul'ture Rossii* = *Penza region in the history and culture of Russia*. Penza: Izd-vo PGU, 2014:373–375. (In Russ.)
17. *GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 653* = *State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 653*. (In Russ.)
18. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 17. Op. 123. D. 116* = *The Russian State Archive of social-political history. Fund 17. Item 123. File 116*. (In Russ.)
19. *RGASPI. F. 17. Op. 123. D. 321* = *The Russian State Archive of social-political history. Fund 17. Item 123. File 321*. (In Russ.)
20. *RGASPI. F. 17. Op. 123. D. 175* = *The Russian State Archive of social-political history. Fund 17. Item 123. File 175*. (In Russ.)
21. *GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 848* = *State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 848*. (In Russ.)

22. RGASPI. F. 17. Op. 123. D. 154 = *The Russian State Archive of social-political history. Fund 17. Item 123. File 154.* (In Russ.)
23. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 883 = *State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 883.* (In Russ.)
24. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 801 = *State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 801.* (In Russ.)
25. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 783 = *State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 783.* (In Russ.)
26. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 873 = *State Archive of Penza region. Fund P-148. Item 1. File 873.* (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Александровна Сухова

доктор исторических наук, профессор,
декан историко-филологического
факультета, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: savtemp@yandex.ru

Olga A. Sukhova

Doctor of historical sciences, professor,
dean of the faculty of history and languages,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Олег Васильевич Ягов

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России
и методики преподавания истории,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: yagovdom@mail.ru

Oleg V. Yagov

Doctor of historical sciences, professor,
professor of the sub-department of Russian
history and history teaching methodics,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 11.01.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.01.2022

Принята к публикации / Accepted 03.02.2022